

Andrzej Sapkowski

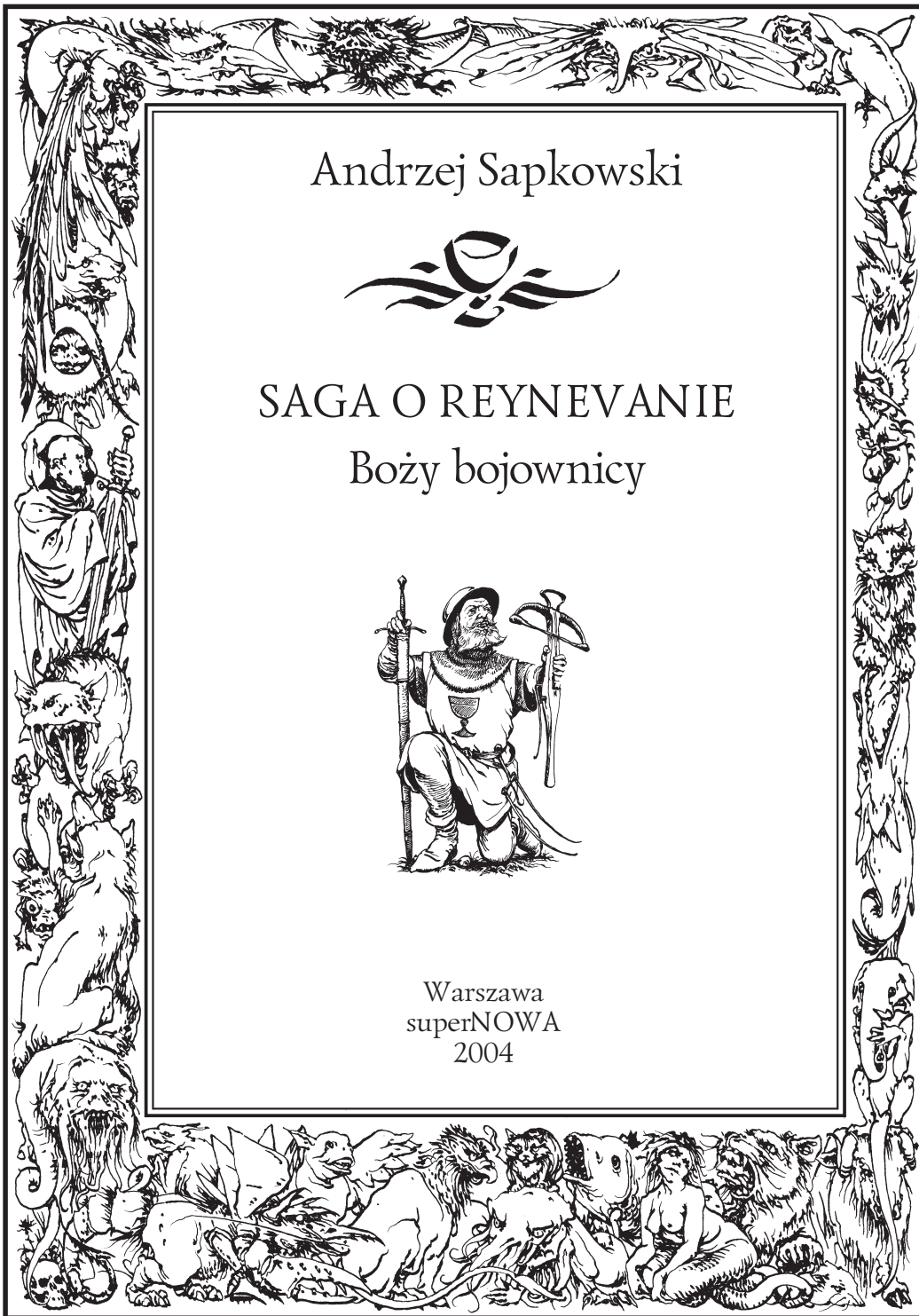

SAGA O REYNEVANIE

Boży bojownicy

Warszawa
superNOWA
2004

Анджей Сапковский

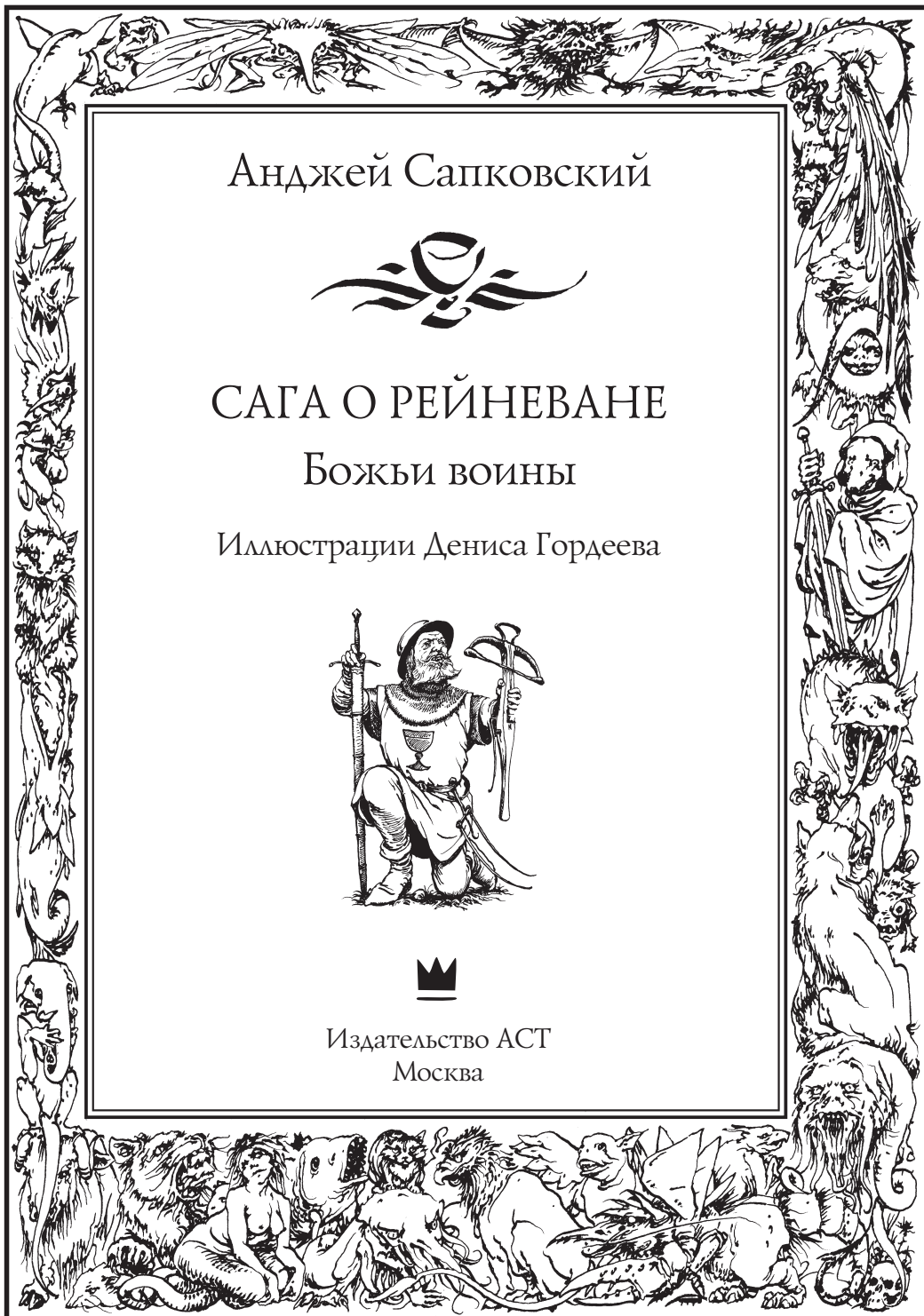
САГА О РЕЙНЕВАНЕ

Божьи войны

Иллюстрации Дениса Гордеева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Andrzej Sapkowski
SAGA O REYNEVANIE
Boży bojownicy

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
NOWA Publishers при содействии
Агентства Александра Корженевского

Сапковский, Анджей.

С19 Сага о Рейневане. Божьи воины / Анджей Сапковский; пер. с польск. Е. П. Вайсброта. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 608 с.: илл. — (Сапковский с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-118620-3

Наступил год Господень 1427-й. Помните, что он принес? А как же! Забыть невозможно. В ту весну, кажись, в марте, наверняка перед Пасхой, огласил папа Мартин V буллу *Salvatoris omnium*, в которой заявил о необходимости очередного крестового похода против еретиков-чехов, дабы мечом и огнем покарать гуситских вероотступников. Двинулось крестовое воинство в поход в начале июля, через неделю после Петра и Павла, перешло границу и потянулось в глубь Чехии, помечая путь свой трупами и пожарами.

А что же наш старый знакомый, Рейнмар из Белявы, чаще именуемый Рейневаном? Ныне, принадлежа к Божьим воинам и присягнув делу Чаши, он, в сопровождении верных друзей, Шарлея и Самсона Медка, по-прежнему мотается по городам и весям, замкам и монастырям, корчмам и погостам — любя и ненавидя, убегая и догоняя, шпионя и сражаясь. А главное — влипая в неприятности одна хлеще другой и всякий раз выпутываясь из них не иначе как чудом.

Нет, это совсем не «Сага о ведьмаке». Это — вторая часть «Саги о Рейневане», блистательной трилогии Анджея Сапковского, посвященной эпохе гуситских войн. Впервые — с иллюстрациями Дениса Гордеева!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-118620-3

Copyright © Andrzej Sapkowski, 2004
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

М

ир, милостивые государи, за последнее время взял, да и увеличился. Но в то же время как бы и уменьшился.

Вы смеетесь? Дескать, я глупости болтаю? Одно-де противоречит другому? Сейчас докажу вам, что отнюдь.

Выгляньте, господа, в окно. И что вы видите, какая картина перед вами? Овин, ответите вы, не отступая от истины, и отхожее место за ним. А что расположено дальше, ну, за отхожим местом? Так вот если я спрошу девушку, которая спешит к нам с пивом, она ответит, что за отхожим местом ржаное поле, за ржаным полем — Яхимова за-

града, за заградой — смолокурня, а дальше-то уж, пожалуй, и Малая Козолупа.

Достаточно спросить нашего корчмаря, и тот как человек весьма знающий добавит, что и это вовсе не конец, что за Малой Козолупой есть еще и Большая Козолупа, за ними имение Коцмыгров, за Коцмыгровом селение Лазы, за Лазами — Гоц, а за Гоцем, пожалуй, уже будет Твардогура. Но заметьте, чем более ученого человека я стану спрашивать, к примеру, вас, тем дальше мы отойдем от нашего овина, нашего отхожего места и обеих Козолуп — ибо более посвященному уму известно, что Твардогурой мир тоже не ограничивается, что дальше лежат Олесьница, Бжег, Немодлин, Ниса, Глубчицы, Опава, Новый Ийчин, Тренчин, Нитра, Остжыгом, Буда, Белград, Рагуза, Янина, Коринф, Крит, Александрия, Каир, Мемфис, Птолемей, Фивы... Ну что? Разве мир не увеличивается? Не становится все больше?

Но и это еще не конец. Двигаясь от Фив вверх по Нилу, который в виде реки Гихон вытекает из источника в земном рае, мы дойдем до земель эфиопов, за которыми, как известно, раскинулась пустынная Нубия, жаркая страна Куш, златобогатый Офир и вся неизмеримая *Africae Terra, ubi sunt leones*¹. А дальше океан, окружающий всю землю. Целиком. Но и на этом океане острова имеются — как то: Катай, Тапробана, Брагин, Оксидрат. Гинософы и Чипангу, в коем климат изумительно урожайный, а драгоценности горами навалены, о чем пишет ученый Гуго из Святого Виктора и Петр д'Алилли, а также его милость Жан де Мандевилль, коий собственными очами чуда оные обозревал.

Таким образом мы доказали, что на протяжении нескольких миновавших столетий мир весьма существенно расширился. Разумеется, в определенном смысле. Ибо даже если материи как таковой в мире и не прибавилось, то названий новых уж прибыло наверняка.

Как же, спросите вы, согласовать с этим утверждение, будто наш мир уменьшился? А я вам незамедлительно это докажу. Только прошу не насмехаться — и не перебивать, ибо то, что я сейчас скажу, вовсе не плод моей фантазии, а сведения, почерпнутые из книг.

¹ Африка, где живут львы (лат). — Здесь и далее примеч. пер., за исключением особо оговоренных случаев.

А над книгами хихикать негоже, ибо для того, чтобы они возникли, кому-то пришлось потрудиться в поте лица.

Как известно, наш мир есть плоскость суши, имеющей форму круглого блина, в центре коего расположен Иерусалим. Блин тот со всех сторон океаном окружен. На востоке край земли образуют Кальпа и Абила, Геркулесовы Столпы и ущелье Аида между ними.

На юге, как я только что показал, за Африкой распространяется океан. На южном востоке твердую землю завершает подчиняющаяся князю Иоанну *India inferior*, тако же земли Гога и Магога. В северной стороне света последним краешком земли является *Ultima Thule*¹, там же, *ubi oriens iungitur aquiloni*², лежит земля Могаль, или Тартар. На востоке же свет оканчивается Кавказом, чуть подальше Киева.

А теперь мы подходим к сути дела, то есть к португальцам. А конкретно — к инфанту Генриху, князю Висеу, сыну короля Иоанна. Португалия, что уж тут скрывать, есть королевство не из больших, инфант же этот лишь третий по счету сын, посему неудивительно, что из своей резиденции в Сагрише он чаще и с надеждой превеликой на море поглядывал, нежели на Лиссабон. Собрал он в Сагрише астрономов и картографов, мудрых евреев, мореходов и капитанов, мастеров-корабелов... И началось.

В Год Господень 1418-й добрался капитан Жоао Гонсальвеш Шарко до островов, именуемых *Insulas Canarias*, Канарскими, а название оттуда пошло, что собак было там обнаружено превеликое множество. Вскоре после этого, в 1420 году, тот же Гонсальвеш Шарко совместно с Тристаном Ваш Тейксейру доплыл до острова, окрещенного Мадейрой. В 1427-м каравеллы Диего де Сильвеша дошли до островов, кои назвали Азорами — откуда такое название взялось, одному Диеге и Богу ведомо. Едва несколько лет тому назад, в 1434 году, очередной португалец, Жиль Эанеш, обошел полуостров Боядор. А шел слух, что уже готовится предпринять плавание инфант дон Генрих, которого некоторые уже начинают называть «мореходом» — *El Navegador*.

С великим изумлением и уважением отношусь я к оним мореходцам. Неустрашимые они люди. Ведь сущий же ужас отпра-

¹ Край земли (лат.).

² где восток соединяется с севером (лат.).

ляться на океан под парусами. Шквалы там и штормы, скалы подводные, горы магнетические, кипящие и клейкие моря, постоянно если не водовороты, так турбуленция, а если не турбуленция, так течения. Чудовища кишмя кишат, полно там драконов водных, морских серпенсов, змей, тритонов, гиппокампов, сиренов, дельфинов и пластуг. Роятся в море *sanguissugae, polypi, octopi, locustae, cancri, pistrixi*¹ разные и прочее. Самое страшное, в конце — ибо там, где оканчивается океан, за краем самым, начинается Пекло. Вы думаете, почему солнце на заходе бывает таким красным? Так вот потому как окунается оно в огни адские. А по всему океану рассеяны дыры; наплывет каравелла по нечаянности на такую дыру и напрямик в ад проваливается, тут ей со всем, что на ней, конец приходит. Видать, таким это образом было сотворено, чтобы не дать смертному человеку по морям плавать. Ад есть пекло для тех, кто запреты нарушает.

Но, насколько я знаю жизнь, португальцев это не остановит.

Ибо *navigare necesse est*², а за горизонтом есть острова, которые надо открывать. Необходимо нанести на карту далекую Тапробану, описать в *roteiros*³ путь к таинственному Чипанг, обозначить *Insole fortunate*, Счастливые острова. Надобно же плыть далее, по тропе святого Брендана, дорогой мечты, к Ги Брасиль, к неведомому. Затем, чтобы неведомое обратить в ведомое и знакомое.

И вот — *quod erat demonstrandum*⁴ — мир наш уменьшается и сокращается, ибо еще немного, и все уже окажется на картах, на портуланах⁵ и в ротейрос. И неожиданно все окажется близко.

Мир уменьшается, и в нем остается все меньше места для легенд. Чем дальше отплывают португальские каравеллы, чем больше становится количество открытых и названных островов, тем меньше остается легенд. То и дело какая-либо развенчивается, словно дым. И у нас остается все меньше иллюзий. А когда умирает мечта, то тьма заполняет опустевшее место. В темноте же, особенно если вдобавок еще и разум уснет, сразу пробуждаются чудовища. Что?

¹ кровопроливцы, полипы, осьминоги, лангусты, крабы (лат.).

² Древняя матросская поговорка: «Плыть необходимо» (лат.).

³ морские карты (компасные), употреблявшиеся в XIII и XIV веках (порт.).

⁴ что и требовалось доказать (лат.).

⁵ описаниях (порт.).

Кто-то это уже сказал? До меня? Милостивый государь, а разве есть что-то такое, чего бы кто-то уже когда-то не сказал? Однако в горле у меня что-то пересохло... Вы спрашиваете, не побрезгую ли я пивом? Конечно, нет.

Что вы сказали, благочестивый брат от святого Доминика? Ага, что пора кончать треп не на тему и вернуться к рассказу? К Рейневану, Шарлею, Самсону и другим? Истинная правда, брат. Самое время. Так что возвращаюсь.

Наступил год Господень 1427-й. Помните, что он принес? А как же! Забыть невозможно. Но все же напомним.

В ту весну, кажись, в марте, наверняка перед Пасхой, огласил папа Мартин V буллу *Salvatoris omnium*, в которой заявил о необходимости очередного крестового похода против еретиков-чехов. Вместо Джордано Орсинни папа Мартин назначил кардиналом и легатом *a latere* Генриха Бофора, епископа Винчестерского, единокровного брата короля Англии. Бофор рьяно принялся за дело. Безотлагательно объявили крестовый поход, дабы мечом и огнем покарать гуситских вероотступников. Тщательно подготовили экспедицию, набрали деньги — дело в войне одно из важнейших. На этот раз — вот уж чудо из чудес! — никто этих денег не разворовал. Одни хроникеры считают, что крестоносцы вдруг стали честными, другие — что деньги на этот раз охраняли получше.

Главнокомандующим одного похода франкфуртский сейм назначил Оттона фон Цигенхайна, архиепископа Тревира. Призвали кого удалось под оружие и знаки крестовы. И вот тебе — армия готова. Выставил войско Фридрих Гогенцоллерн Старший, электор бранденбургский. Встали баварцы под командой князя Генриха Богатого, встал пфальцграф Отто из Мосбаха и его брат пфальцграф Иоганн из Ноймаркта. Прибыли на сборный пункт малолетний Фридрих Ветгин, сын уложенного немощью в постель Фридриха Храброго, электора Саксонии. Прибыли, каждый с солидной ратью, Рабан фон Хельмштетт, епископ Спейера, Анзельм фон Неннинген, епископ Аугсбурга, Фридрих фон Ауфсес, епископ Вамберга, Иоган фон Брун, епископ Вюрцбурга. Демольт де Ружемон, архиепископ Безансона. Прибыли вооруженные из Швабии, Гессена, Тюрингии, из северных городов Ганзы.

Двинулось крестовое воинство в поход в начале июля, через неделю после Петра и Павла¹, перешло границу и потянулось в глубь Чехии, помечая путь свой трупами и пожарами. В среду перед Якубом² крестоносцы, подкрепленные силами католического чешского ландфрида, встали под Стжибором, где сидел гуситский пан Пшибик де Кленове, и осадили город, очень изнурительно обстреливая его из чешских бомбард. Однако пан Пшибик держался стойко и сдаваться не думал. Осада длилась, время уходило. Нервничал бранденбургский курфюрст Фридрих. «Это же крестовый поход», — кричал он, советуя немедленно двигаться вперед, атаковать Прагу. «Прага, — кричал он, — это *caput regni*³, а у кого в руках Прага, у того и Чехия...»

Жаркое, знойное было лето 1427 года.

А как, спрашиваете, на все это реагировали Божьи воины? Как, спрашиваете, Прага?

Прага...

Прага смердила кровью.

¹ 29 июня.

² Среда, предшествующая 25 июля.

³ глава (столица) королевства (лат.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Прага смердит кровью, Рейневан чувствует за собой слежку, а потом — поочередно — мается рутинной, вспоминает, тоскует, празднует, борется за жизнь и утопает в перине. А между тем история Европы резвится, кувыркается, притоптывает и пищит на поворотах.

П

рага смердила кровью. Рейневан обнюхал рукава куртки. Он только что вышел из больницы, а в больнице, как в любом заведении такого рода, практически всем и каждому делали кровопускание и регулярно вскрывали язвы, да и ампутации следовали одна за другой с прискорбной регулярностью. Одежда могла пропитаться вонью, и в этом не было ничего необычного. Однако курточка источала только запах курточки. И ничего более.

Он поднял голову. Принюхался. С севера, с левого берега Влтавы, долетал запах травы и прелых листьев, сжигаемых в садах и виноградниках. Вдобавок от реки несло тиной и падалью — стояла жара, вода сильно упала, обнажившиеся берега и высохшие луга уже долгое время поставляли городу незабываемые обонятельные впечатления. Но на сей раз воняла не тина. Рейневан был в этом уверен.

Легкий переменчивый ветерок дул с востока, со стороны Пожичских ворот. Со стороны Виткова. А земля под Витковским взгорьем вполне могла источать запах крови. Потому как крови в землю эту впиталось немало.

Однако это, пожалуй, невероятно. Рейневан поправил на плече ремень торбы и резво направился дальше. Не может быть, чтобы этот запах крови — от Виткова. Во-первых, это довольно далеко. Во-вторых, бои шли летом 1420 года. То есть семь лет назад. Семь долгих лет.

Он, ускорив шаг, миновал уже церковь Святого Креста. А запах крови не развеялся. Совсем наоборот. Усилился. Потому что вдруг, для разнообразия, повеяло с запада.

«Хм, — подумал он, глядя в сторону недалекого гетто. — Камень — не земля, старые кирпичи и штукатурка помнят многое, многое может в них продержаться. Все, что они впитают, пахнет долго. А там, у синагоги, в улочках и домах, кровь лилась еще обильнее, чем в Виткове. И в несколько менее отдаленные времена. В 1422 году, во время кровавого погрома, во время смуты, бушевавшей в Праге после расправы с Яном Желивским¹. Разъяренный казнью своего любимого трибуна народ Праги восстал, чтобы мстить, жечь и убивать. При этом больше всего, как обычно, досталось еврейскому району. У евреев не было ничего общего с казнью Желивского. И они уж никоим образом не были виновны в его судьбе. Но кого это заботило?

Рейневан свернул за Свентокшписким кладбищем, прошел мимо больницы, вышел на Старый Угольный Тарг, пересек небольшую площадь и углубился в арки и тесные закоулки, ведущие к Длинной Твиде. Запах крови улетучился, скрылся в море других ароматов. Арки и закоулки воняли всем, что только можно себе вообразить.

¹ Яна Желивского и его сподвижников обезглавили 9 марта 1422 года. В понедельник.

Зато Длинная Твида встретила его главенствующим над всем — и прямо-таки ошеломляющим запахом пекарских изделий. В пекарских лавочках, на прилавках и лавках золотились, красовались и аппетитно пахли знаменитые пражские выпечки. Хотя в больнице он позавтракал и голода не чувствовал, но не удержался и в первой же пекарне купил две свежайшие булки. Булки, которые здесь называли цалтами, имели столь навязчиво эротичную форму, что Рейневан долгое время шествовал по Длинной Твиде слово во сне, натываясь на палатки, погрузившись в жаркие, как пустынный самум, мысли о Николетте. О Катажине Биберштайн. Среди прохожих, на которых он налетал и в задумчивости толкал, было несколько вполне привлекательных пражанок различного возраста. Он их не замечал. Рассеянно извинялся и шел дальше, попеременно то кусая цалту, то словно загнипнотизированный всматриваясь в нее.

Старогородский рынок привел его в чувство запахом крови.

«Да, — подумал Рейневан, поедая цалту, — здесь-то, возможно, и неудивительно. Для этих-то булыжников кровь не в новинку». Яна Желивского и девятерых его сподвижников обезглавили как раз здесь, у Старогородской ратуши, приманив сюда в тот мартовский понедельник. Когда после предательской казни отмывали от крови полы, красная пена текла из-под ворот ручьями, стекая, кажется, к самому стоящему посередине рынка позорному столбу и образуя там гигантскую лужу. А вскоре после этого, когда весть о смерти трибуна вызвала в Праге взрыв гнева и жажду мести, кровь потекла по всем тамошним сточным канавам.

В сторону Божьей Матери у Тына шли люди, они толпились под сводом ворот. «Будет проповедовать Рокицана, — подумал Рейневан. — Надо бы послушать, что может сказать Ян Рокицана». Слушать проповеди Яна Рокицаны всегда стоило. Всегда. Особенно же теперь, во времена, когда так называемый ход событий поставлял темы для проповедей прямо-таки в ужасающем темпе. Было, ох, было, о чем проповедовать. И стоило слушать.

«Нет времени, — сообразил он. — Есть более срочные дела. И есть проблема... Состоящая в том, что за мной следят».

В том, что за ним следят, Рейневан убедился уже давно. Сразу после выхода из больницы у Святого Креста. Следящие были весь-

ма ловкими, держались незаметно, очень искусно прятались. Но Рейневан их заметил. Потому что это было не в первый раз.

В принципе он знал, кто за ним следил и по чьему приказу. Однако это не имело особого значения.

От шпионов надо было отделаться. У него даже был план.

Он вышел на людный и вонючий Скотный Тарг, смешался с толпой, идущей в сторону Влтавы и Каменного Моста. Он хотел скрыться, а на Мосту, в узкой горловине, тесном перешейке, соединяющем Старе Място с Малой Страной и Градчанами, в шуме и толчее была реальная возможность исчезнуть. Рейневан пробирался в толпе, задевая прохожих и нарываясь на оскорбления.

— Рейнмар! — Один из тех, кого он задел, вместо того, чтобы, как другие, обозвать его курвиным сыном, поприветствовал его, назвав по имени. — Господи! Ты здесь?

— Я здесь. Послушай, Радим... Господи, почему ты так воняешь?

— Это, — Радим Тврдик, невысокий и не очень молодой, указал на ведро, которое ташил, — это глина и ил. С берега реки. Они мне необходимы... Сам знаешь зачем.

— Знаю. — Рейневан беспокойно осмотрелся. — А как же.

Радим Тврдик был, как знали все посвященные, чернокнижником. Радим Тврдик был также, как знали некоторые посвященные, пленен идеей создания искусственного человека. Голема. Все, даже малопосвященные, знали, что единственного до сих пор голема удалось в очень-очень давние времена создать некоему пражскому раввину, которого в сохранившихся документах называли, вероятно, искаженным именем Вар Галеви. Древнему еврею, как говорят документы, сырьем для создания голема послужили глина, ил и тина, взятые со дна Влтавы. Тврдик — единственный, — однако, считал, что роль активизирующего фактора здесь сыграли не обряды и заклинания, кстати, известные, а некая определенная астрологическая конъюнкция, влияющая на конкретный ил и данную глину, на их магические свойства. Однако, не имея ни малейшего понятия, о каком именно расположении планет идет речь, Тврдик действовал методом проб и ошибок: набирал глину настолько часто, насколько мог, — в надежде, что когда-нибудь упадет на необходимую. Брал из различных мест. Сегодня явно «перебрал»: судя по

вони, он взял «сырье» непосредственно из-под какого-то отхожего места.

— Ты не на работе, Рейнмар? — спросил Тврдик, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Не в больнице?

— Я смог уйти пораньше. Работы не было. Спокойный день.

— Дай Бог, — колдун поставил ведро, — чтобы не последний. Потому как время такое...

Все в Праге знали, в чем дело, о каком времени шла речь. Но об этом предпочитали не болтать лишнего. Фразы не договаривали. Это вдруг сделалось всеобщим и модным. Обычай требовал в ответ на такое недоговаривание сделать мудрую мину, вздохнуть и многозначительно покачать головой. Но у Рейневана не было на это времени.

— Иди своим путем, Радим, — сказал он, оглянувшись. — Я не могу здесь стоять. А лучше б и ты не стоял.

— Э-э-э?

— За мной следят. Поэтому я не могу идти на Суконническую.

— Следят, — повторил Радим Тврдик. — Те, что обычно?

— Наверное. Бывай.

— Погоди.

— Чего ради?

— Неразумно пытаться уйти от хвоста.

— Почему бы?

— Для следящих, — пояснил на удивление толково чех, — попытки отделаться от хвоста явный знак, что у того, за кем следят, не все в порядке с совестью и есть что скрывать. На воре шапка горит. То, что ты не идешь на Суконническую, — мудро. Но не крути, не сбегай, не скрывайся. Делай то, что делаешь всегда. Заставь шпииков заскучать от нудной повседневной рутины.

— Например?

— У меня в глотке пересохло от копания ила. Пошли «Под рака». Вышьем пива.

— За мной следят, — напомнил Рейнван. — Ты не боишься...

— А чего? — Колдун поднял свое ведро. — Чего бояться-то?

Рейнван вздохнул. Пражские магики поражали его не в первый раз. Он не знал, то ли это заслуживающее удивления хладнокровие, то ли тривиальное отсутствие воображения, но некоторые